

Александр Сергеевич Пушкин Борис Годунов

Александр Сергеевич Пушкин Борис Годунов

*Драгоценной для россиян памяти
Николая Михайловича Карамзина
сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и
благодарностью посвящает
Александр Пушкин*

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ
(1598 года, 20 февраля)

Князя Шуйский и Воротынский.
Воротынский

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский

Чем кончится? Узнать не мудрено:
Народ еще повоюет да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится;
А там – а там он будет нами править
По-прежнему.

Воротынский

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою,
Он, кажется, покинул все мирское.
Ни патриарх, ни думные бояре
Склонить его доселе не могли;
Не внемлет он ни слезным увещаньям,
Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великого Собора¹.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица

---

¹ Земский собор 1598 года с бóльшим, чем в предшествующих соборах, числом выборных.

Как он тверда, как он неумолима.
Знать, сам Борис сей дух в нее вселил;
Что, ежели правитель в самом деле
Державными заботами наскучил
И на престол безвластный не взойдет?
Что скажешь ты?

Ш у й с к и й

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

В о р о т ы н с к и й

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Ш у й с к и й

А кто же?
Кто подкупал напрасно Чепчугова?
Кто подослал обоих Битяговских
С Качаловым? Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

В о р о т ы н с к и й

Зачем же ты его не уничтожил?

Ш у й с к и й

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто правый:
Распрашивал, в подробности входил –
И перед ним я повторил нелепость,
Которую мне сам он нашептал.

В о р о т ы н с к и й

Не чисто, князь.

Ш у й с к и й

А что мне было делать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядел очами Годунова,
Всему внимал ушами Годунова:

Пускай его б уверил я во всем,
Борис тотчас его бы разуверил,
А там меня ж сослали б в заточенье,
Да в добрый час, как дядю моего,
В глухой тюрьме тихонько б задавили.
Не хвастаюсь, а в случае, конечно,
Никая казнь меня не устроит.
Я сам не трус, но также не глупец
И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский

Ужасное злодейство! Слушай, верно,
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский

Перешагнет; Борис не так-то робок!
Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский

Да, кажется.

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынский...
Легко сказать, природные князья.

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский

Да, боле,
Чем Годунов.

Воротынский

Ведь в самом деле!

Ш у й с к и й

Что ж?
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно, пусть
Себе в цари любого изберут.

В о р о т ы н с к и й

Не мало нас, наследников варяга,
Да трудно нам тягаться с Годуновым:
Народ отвык в нас видеть древню отрасль
Воинственных властителей своих.
Уже давно лишились мы уделов,
Давно царям подручниками служим,
А он умел и страхом, и любовью,
И славою народ очаровать.

Ш у й с к и й
(*глядит в окно*)

Он смел, вот всё – а мы... Но полно. Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад –
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

НАРОД.

О д и н

Неумолим! Он от себя прогнал
Святителей, бояр и патриарха.
Они пред ним напрасно пали ниц;
Его страшит сияние престола.

Д р у г о й

О боже мой, кто будет нами править?
О горе нам!

Т р е т и й

Да вот верховный дьяк
Выходит нам сказать решение Думы.

Н а р о д

Молчать! молчать! дьяк думный говорит;
Ш-ш – слушайте!

Щелкалов
(с Красного крыльца)

Собором положили
В последний раз отведать силу просьбы
Над скорбною правителя душой.
Завтра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный,
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сиротою Москвою
И на венец благословит Бориса.
Идите же вы с богом по домам,
Молитесь – да взыдет к небесам
Усердная молитва православных.

Народ расходится.

ДЕВИЧЬЕ ПОЛЕ
НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

НАРОД.
Один

Теперь они пошли к царице в келью,
Туда вошли Борис и патриарх
С толпой бояр.

Другой

Что слышно?

Третий

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба
(с ребенком)

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

Один

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно,
Не только там. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Первый

Право, любо!

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?
Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Народ

(на коленях. Вой и плач)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

Один

(тихо)

О чем там плачут?

Другой

А как нам знать? то ведают бояре,
Не нам чета.

Баба

(с ребенком)

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя! вот бука!
Плачь, баловень!

(Бросает его об землю. Ребенок пищит .)

Ну, то-то же.

Один

Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.

Д р у г о й

Я силюсь, брат,
Да не могу.

П е р в ы й

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

В т о р о й

Нет, я слюней помажу.
Что там еще?

П е р в ы й

Да кто их разберет?

Н а р о д

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ

Борис, патриарх, бояре.

Б о р и с

Ты, отче патриарх, вы все, бояре,
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наследую могущим Иоаннам –
Наследую и ангелу-царю!..
О праведник! о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.
От вас я жду содействия, бояре,
Служите мне, как вы ему служили,
Когда труды я ваши разделял,
Не избранный еще народной волей.

Б о я р е

Не изменим присяге, нами данной.

Б о р и с

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там – сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.

(Уходит, за ним и бояре.)

В о р о т ы н с к и й
(останавливая Шуйского)

Ты угадал.

Ш у й с к и й

А что?

В о р о т ы н с к и й

Да здесь, наместники,
Ты помнишь?

Ш у й с к и й

Нет, не помню ничего.

В о р о т ы н с к и й

Когда народ ходил в Девичье поле,
Ты говорил...

Ш у й с к и й

Теперь не время помнить,
Советую порой и забывать.
А впрочем, я злословием притворным
Тогда желал тебя лишь испытать,
Верней узнать твой тайный образ мыслей;
Но вот – народ приветствует царя –
Отсутствие мое заметить могут –
Иду за ним.

В о р о т ы н с к и й

Лукавый царедворец!

НОЧЬ.

КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ

(1603 года)

От е ц П и м е н, Г р и г о р и й спящий.

П и м е н

(пишет перед лампадой)

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду –
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною –
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходят до меня,
А прочее погребло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает –
Еще одно, последнее сказанье.

(Пишет.)

Г р и г о р и й
(пробуждается)

Все тот же сон! возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А все перед лампадой
Старик сидит да пишет – и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет; и часто
Я угадать хотел, о чем он пишет?
О темном ли владычестве татар?
О казнях ли свирепых Иоанна?
О бурном ли новгородском Вече?
О славе ли отечества? напрасно.
Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседельный,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

П и м е н

Проснулся, брат.

Григорий

Благослови меня,
Честный отец.

Пимен

Благослови господь
Тебя и днесь, и присно, и вовеки.

Григорий

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мучил.
Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось –
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

Пимен

Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены. Доныне – если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы долгой к ночи –
Мой старый сон не тих, и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет!

Григорий

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произнести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе всевышний. Верь ты мне:
Нас издали пленяет слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь господь меня привел.
Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто. А что же? Часто
Златый венец тяжел им становился:
Они его меняли на клубук.
Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал:
Кромешники в тафьях и власяницах
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игуменом смиренным.
Я видел здесь – вот в этой самой келье
(В ней жил тогда Кирилл многострадальный,
Муж праведный. Тогда уж и меня
Сподобил бог уразуметь ничтожность
Мирских сует), здесь видел я царя,
Усталого от гневных дум и казней.
Задумчив, тих сидел меж нами Грозный,
Мы перед ним недвижимо стояли,
И тихо он беседу с нами вел.
Он говорил игумену и братье:
«Отцы мои, желанный день придет,
Предстану здесь алкающий спасенья.
Ты, Никодим, ты, Сергей, ты, Кирилл,
Вы все – обет примите мой духовный:
Прииду к вам, преступник окаянный,
И схиму здесь честную восприму,
К стопам твоим, святой отец, припадши».
Так говорил державный государь,
И сладко речь из уст его лилася,
И плакал он. А мы в слезах молились,
Да ниспошлет господь любовь и мир
Его душе страдающей и бурной.
А сын его Феодор? На престоле
Он вздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась – а в час его кончины
Свершилось неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,

Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святой владыка пред царем
Во храмине тогда не находился.
Когда же он преставился, палаты
Исполнились святым благоуханьем,
И лик его как солнце просиял –
Уж не видать такого нам царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Г р и г о р и й

Давно, честный отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия-царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

П и м е н

Ох, помню!
Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье;
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат,
Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я
Спешу туда ж – а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич;
Царица мать в беспамятстве над ним,
Кормилица в отчаянье рыдает,
А тут народ, остервенясь, волочит
Безбожную предательницу-мамку...
Вдруг между их, свиреп, от злости бледен,
Является Иуда Битяговский.
«Вот, вот злодей!» – раздался общий вопль,
И вмиг его не стало. Тут народ
Вслед бросился бежавшим трем убийцам;
Укрывшихся злодеев захватили
И привели пред теплый труп младенца,
И чудо – вдруг мертвец затрепетал –
«Покайтесь!» – народ им завопил:
И в ужасе под топором злодеи
Покаялись – и назвали Бориса.

Г р и г о р и й

Каких был лет царевич убиенный?

П и м е н

Да лет семи; ему бы ныне было
 (Тому прошло уж десять лет... нет, больше:
 Двенадцать лет) – он был бы твой ровесник
 И царствовал; но бог судил иное.
 Сей повестью плачевной заключу
 Я летопись мою; с тех пор я мало
 Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
 Ты грамотой свой разум просветил,
 Тебе свой труд передаю. В часы,
 Свободные от подвигов духовных,
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидетель в жизни будешь:
 Войну и мир, управу государей,
 Угодников святые чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны –
 А мне пора, пора уж отдохнуть
 И погасить лампаду... Но звонят
 К заутрене... благослови, господь,
 Своих рабов!.. подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Г р и г о р и й

Борис, Борис! все пред тобой трепещет,
 Никто тебе не смеет и напомнить
 О жребии несчастного младенца, –
 А между тем отшельник в темной келье
 Здесь на тебя донос ужасный пишет:
 И не уйдешь ты от суда мирского,
 Как не уйдешь от божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

П а т р и а р х

И он убежал, отец игумен?

И г у м е н

Убежал, святой владыко. Вот уж тому третий день.

П а т р и а р х

Пострел, окаянный! Да какого он роду?

И г у м е н

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей. Смолоду
 постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре,
 ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей
 чудовской братии, а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его

под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, знать, грамота далася ему не от господа бога...

Патриарх

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах он, сосуд дьявольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! *буду царем на Москве!*.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен

Ересь, святыи владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Двастольника.

Первый

Где государь?

Второй

В своей опочивальне
Он заперся с каким-то колдуном.

Первый

Так, вот его любимая беседа:
Кудесники, гадатели, колдуньи. –
Всё ворожит, что красная невеста.
Желал бы знать, о чем гадают он?

Второй

Вот он идет. Угодно ли спросить?

Первый

Как он угрюм!

Уходят.

Царь

(входит)

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..

Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной –
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать –
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на землю нашу глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;
Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд: ищи ж ее любви.
В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком –
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..
Кто ни умрет, я всех убийца тайный:
Я ускорил Феодора кончину,
Я отравил свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. –
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Мисаили Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев, мирянином;
хозяйка.

Хозяйка

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

В а р л а а м

Чем бог пошлет, хозяйшка. Нет ли вина?

Х о з я й к а

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

М и с а и л

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Г р и г о р и й

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

В а р л а а м

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил да я, грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино... да вот и оно!..

М и с а и л

Складно сказано, отец Варлаам.

Х о з я й к а

(входит)

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

М и с а и л

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют; Варлаам затягивает песню: Как во городе было во Казани...

В а р л а а м

(Григорию)

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Г р и г о р и й

Не хочу.

М и с а и л

Вольному воля...

В а р л а а м

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинкарочку...
Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино
дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости
просим – нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Г р и г о р и й

Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь: и я порой
складно говорить умею.

В а р л а а м

А что мне про себя разуметь?

М и с а и л

Оставь его, отец Варлаам.

В а р л а а м

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи,
неведомо кто, неведомо откуда,– да еще и спесивится; может быть,
кобылу нюхал...

(Пьет и поет: Молодой чернец постригся.)

Г р и г о р и й
(хозяйке)

Куда ведет эта дорога?

Х о з я й к а

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Г р и г о р и й

А далече ли до Луёвых гор?

Х о з я й к а

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы
царские да сторожевые приставы.

Г р и г о р и й

Как, заставы! что это значит?

Х о з я й к а

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать да
осматривать.

Г р и г о р и й
(про себя)

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

В а р л а а м

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

М и с а и л

Складно сказано, отец Варлаам...

Г р и г о р и й

Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Х о з я й к а

А господь его ведает, вор ли, разбойник – только здесь и добрым людям нынче прохода нет – а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих да обирают нас, бедных.

Слышен шум.

Г р и г о р и й

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Х о з я й к а

Нету, родимый. Рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина, и хлеба, и неведомо чего – чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им...

Входят приставы.

Х о з я й к а

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

О д и н п р и с т а в
(другому)

Ба! да здесь попойка идет: будет чем поживиться. (Монахам.) Вы что за люди?

В а р л а а м

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям да собираем милостыню христианскую на монастырь.

П р и с т а в
(Григорию)

А ты?

М и с а и л

Наш товарищ...

Г р и г о р и й

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси.

М и с а и л

Так ты раздумал...

Г р и г о р и й
(тихо)

Молчи.

П р и с т а в

Хозяйка, выставь-ка еще вина – а мы здесь со старцами попьем да побеседуем.

Д р у г о й п р и с т а в
(тихо)

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; зато старцы...

П е р в ы й

Молчи, сейчас до них доберемся. – Что, отцы мои? какво промышляете?

В а р л а а м

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь: беда да и только.– Ох плохо, знать пришли наши последние времена...

Х о з я й к а

(плачет)

Господь помилуй и спаси!

В продолжение Варлаамовой речи первый пристав значительно всматривается в Мисаила.

Первый пристав

Алеха! при тебе ли царский указ?

Второй

При мне.

Первый

Подай-ка сюда.

Мисаил

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

Мисаил

Не слышал.

Пристав

Не слышал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил

Не знаю.

Пристав
(Варлааму)

Умеешь ли ты читать?

Варлаам

Смолоду знал, да разучился.

Пристав
(Мисаилу)

А ты?

М и с а и л

Не умудрил господь.

П р и с т а в

Так вот тебе царский указ.

М и с а и л

На что мне его?

П р и с т а в

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник – ты.

М и с а и л

Я! помилуй! что ты?

П р и с т а в

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Х о з я й к а

Ах, они окаянные мучители! и старца-то в покое не оставят!

П р и с т а в

Кто здесь грамотный?

Г р и г о р и й
(выступает вперед)

Я грамотный.

П р и с т а в

Вот на! А у кого же ты научился?

Г р и г о р и й

У нашего пономаря.

П р и с т а в
(дает ему указ)

Читай же вслух.

Г р и г о р и й
(читает)

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду

Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный дьяволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе литовской...»

П р и с т а в
(Мисаилу)

Как же не ты?

Г р и г о р и й

«И царь повелел изловить его...»

П р и с т а в

И повесить.

Г р и г о р и й

Тут не сказано *повесить* .

П р и с т а в

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Г р и г о р и й

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду... (*смотря на Варлаама*) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

Все глядят на Варлаама.

П е р в ы й п р и с т а в

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

В а р л а а м
(вырывая бумагу)

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? – как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. (*Читает по складам.*) «А лет е-му от-ро-ду... 20». – Что, брат? где тут 50? видишь? 20.

В т о р о й п р и с т а в

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

П е р в ы й п р и с т а в
(Григорию)

Да ты, брат, видно, забавник.

Во время чтения Григорий стоит потупя голову, с рукою за пазухой.

В а р л а а м
(продолжает)

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.

П р и с т а в ы

Держи! держи!

Все бегут в беспорядке.

МОСКВА. ДОМ ШУЙСКОГО

Шуицкий, множество гостей. Ужин.
Ш у й с к и й

Вина еще.

Встает, за ним и все.

М а л ь ч и к

Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внемли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Поддай ему победу на враги,
Да славится он оет моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгие ветви
Весь мир земной – а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистоимой
Проистекут источники на нас:
И царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.

Ш у й с к и й
(пьет)

Да здравствует великий государь!

Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлеб-солью
Не презрели. Простите, добрый сон.

Гости уходят, он провожает их до дверей.

Пушкин

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что
нам не удастся и переговорить.

Шуйский
(слугам)

Вы что рот разинули? Все бы вам господ подслушивать. Собирайте
со стола да ступайте вон. Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин

Чудеса да и только.
Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне
Из Кракова гонца прислал сегодня.

Шуйский

Ну.

Пушкин

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой.

(Идет к дверям и осматривает.)

Шуйский

Да это уж не ново!

Пушкин

Погоди:
Димитрий жив.

Шуйский

Вот-на! какая весть!
Царевич жив! ну подлинно чудесно.
И только-то?

Пушкин

Послушай до конца.
Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.

Ш у й с к и й

Не может быть.

П у ш к и н

Его сам Пушкин видел,
Как приезжал впервой он во дворец
И сквозь ряды литовских панов прямо
Шел в тайную палату короля.

Ш у й с к и й

Кто ж он такой? откуда он?

П у ш к и н

Не знают.
Известно то, что он слугою был
У Вишневецкого, что на одре болезни
Открылся он духовному отцу,
Что гордый пан, его проведав тайну,
Ходил за ним, поднял его с одра
И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Ш у й с к и й

Что ж говорят об этом удалце?

П у ш к и н

Да слышно, он умен, приветлив, ловок,
По нраву всем. Московских беглецов
Обворожил. Латинские попы
С ним заодно. Король его ласкает
И, говорят, помогу обещал.

Ш у й с к и й

Все это, брат, такая кутерьма,
Что голова кругом пойдет невольню.
Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

П у ш к и н

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,

Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где Сицкие князья, где Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнанье.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.
Легко ль, скажи! мы дома, как Литвой,
Осаждены неверными рабами;
Всё языки, готовые продать,
Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,
Которого захочем наказать.
Вот – Юрьев день задумал уничтожить.
Не властны мы в поместьях своих.
Не смей согнать ленивца! Рад не рад,
Корми его; не смей переманить
Работника! – Не то, в Приказ холопий.
Ну, слыхано ль хоть при царе Иване
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Ш у й с к и й

Прав ты, Пушкин.
Но знаешь ли? Об этом обо всем
Мы помолчим до времени.

П у ш к и н

Вестимо,
Знай про себя. Ты человек разумный:
Всегда с тобой беседовать я рад,
И если что меня подчас тревожит,
Не вытерплю, чтоб не сказать тебе.
К тому ж твой мед да бархатное пиво
Сегодня так язык мне развязали...
Прощай же, князь.

Ш у й с к и й

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина.)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ

Царевич чертит географическую карту.

Царевна, мамка царевны.

Ксения

(целует портрет)

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка

И, царевна! девица плачет, что роса падет; взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь своего королевича.

Ксения

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

Входит Борис.

Царь

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь? –
А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Царь

А это что такое
Узором здесь виется?

Феодор

Это Волга.

Царь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.

Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни –
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

Входит Семен Годунов.

Вот Годунов идет ко мне с докладом.

(Ксении.)

Ксения с мамкою уходит.

Семен Годунов

Нынче
Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья
И Пушкина слуга пришли с доносом.

Царь

Ну.

Семен Годунов

Пушкина слуга донес сперва,
Что поутру вчера к ним в дом приехал
Из Кракова гонец – и через час
Без грамоты отослан был обратно.

Царь

Гонца схватить.

Семен Годунов

Уж послано в догоню.

Царь

О Шуйском что?

Семен Годунов

Вечор он угощал
Своих друзей, обоих Милославских,
Бутурлиных, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина – да несколько других;
А разошлись уж поздно. Только Пушкин
Наедине с хозяином остался
И долго с ним беседовал еще.

Ц а р ь

Сейчас послать за Шуйским.

С е м е н Г о д у н о в

Государь,
Он здесь уже.

Ц а р ь

Позвать его сюда.

Годунов уходит.

Ц а р ь

Сношения с Литвою! это что?..
Противен мне род Пушкиных мятежный,
А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый...

Входит Шуйский.

Ш у й с к и й

Так, государь: мой долг тебе поведать
Весть важную.

Ц а р ь

Я слушаю тебя.

Ш у й с к и й

(тихо, указывая на Феодора)

Но, государь...

Ц а р ь

Царевич может знать,
Что ведает князь Шуйский. Говори.

Ш у й с к и й

Царь, из Литвы пришла нам весть...

Ц а р ь

Не та ли,
Что Пушкину привез ввечер гонец.

Ш у й с к и й

Все знает он! – Я думал, государь,
Что ты еще не ведаешь сей тайны.

Ц а р ь

Нет нужды, князь: хочу сообразить
Известия; иначе не узнаем
Мы истины.

Ш у й с к и й

Я знаю только то,
Что в Кракове явился самозванец
И что король и паны за него.

Ц а р ь

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Ш у й с к и й

Не ведаю!

Ц а р ь

Но... чем опасен он?

Ш у й с к и й

Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Дмитрия воскреснувшее имя.

Ц а р ь

Дмитрия!.. как? этого младенца!
Дмитрия!.. Царевич, удались.

Ш у й с к и й

Он покраснел: быть буре!..

Ф е о д о р

Государь,

Дозволишь ли...

Ц а р ь

Нельзя, мой сын, поди.

Феодор уходит.

Ш у й с к и й

Он ничего не знал.

Ц а р ь

Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.

Ш у й с к и й

Иду.

Ц а р ь

Постой. Не правда ль, эта весть
Затейлива? Слыхал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом?
Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Ш у й с к и й

Я, государь?..

Ц а р ь

Послушай, князь Василий:
Как я узнал, что отрока сего...
Что отрок сей лишился как-то жизни,
Ты послан был на следствие; теперь
Тебя крестом и богом заклинаю,
По совести мне правду объяви:
Узнал ли ты убитого младенца
И не было ль подмена? Отвечай.

Ш у й с к и й

Клянусь тебе...

Ц а р ь

Нет, Шуйский, не клянись,
Но отвечай: то был царевич?

Ш у й с к и й

Он.

Ц а р ь

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь – тебя постигнет злая казнь:
Такая казнь, что царь Иван Васильич
От ужаса во гробе содрогнется.

Ш у й с к и й

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
Перед тобой дерзну ли я лукавить?
И мог ли я так слепо обмануться,
Что не узнал Димитрия? Три дня
Я труп его в соборе посещал,
Всем Угличем туда сопровождаемый.
Вокруг его тринадцать тел лежало,
Растерзанных народом, и по ним
Уж тление приметно проступало,
Но детский лик царевича был ясен
И свеж и тих, как будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты ж лица совсем не изменились.
Нет, государь, сомненья нет: Димитрий
Во гробе спит.

Ц а р ь
(спокойно)

Довольно; удались.

Шуйский уходит.

Краков. Дом Вишневецкого
С а м о з в а н е ц и pater Ч е р н и к о в с к и й.
С а м о з в а н е ц

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов

Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра.

Р а т е р

Вспомоществуй тебе святой Игнатий,
Когда придут иные времена.
А между тем небесной благодати
Таи в душе, царевич, семена.
Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

С а м о з в а н е ц

Аминь. Кто там?

Входит слуга.
Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.
Г а в р и л а П у ш к и н

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

С а м о з в а н е ц

Рад вам, дети.
Ко мне, друзья. – Но кто, скажи мне, Пушкин,
Красавец сей?

П у ш к и н

Князь Курбский.

С а м о з в а н е ц

Имя громко!

(Курбскому.)
К у р б с к и й

Я сын его.

С а м о з в а н е ц

Он жив еще?

К у р б с к и й

Нет, умер.

С а м о з в а н е ц

Великий ум! муж битвы и совета!
Но с той поры, когда являлся он,
Своих обид ожесточенный мститель,
С литовцами под ветхий город Ольгин,
Молва об нем умолкла.

К у р б с к и й

Мой отец
В Вольнии провел остаток жизни,
В поместьях, дарованных ему
Баторием. Уединен и тих,
В науках он искал себе отрады;
Но мирный труд его не утешал:
Он юности своей отчизну помнил,
И до конца по ней он тосковал.

С а м о з в а н е ц

Несчастный вождь! как ярко просиял
Восход его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его с отечеством мирится.
Вины отцов не должно вспоминать;
Мир гробу их! приближься, Курбский. Руку!
– Не странно ли? сын Курбского ведет
На трон, кого? да – сына Иоанна...
Всё за меня: и люди и судьба. –
Ты кто такой?

П о л я к

Собаньский, шляхтич вольный.

С а м о з в а н е ц

Хвала и честь тебе, свободы чадо!
Вперед ему треть жалованья выдать, –
Но эти кто? я узнаю на них
Земли родной одежду. Это наши.

Х р у щ о в
(бьет челом)

Так, государь, отец наш. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы из Москвы, опальные, бежали
К тебе, наш царь, – и за тебя готовы
Главами лечь, да будут наши трупы
На царский трон ступенями тебе.

С а м о з в а н е ц

Мужайтесь, безвинные страдальцы, –

Лишь дайте мне добраться до Москвы,
А там Борис расплатится во всем.
Ты кто?

К а р е л а

Казак. К тебе я с Дона послан
От вольных войск, от храбрых атаманов,
От казаков верховых и низовых,
Узреть твои царевы ясны очи
И кланяться тебе их головами.

С а м о з в а н е ц

Я знал донцов. Не сомневался видеть
В своих рядах казачьи бунчуки.
Благодарим Донское наше войско.
Мы ведаем, что ныне казаки
Неправедно притеснены, гонимы;
Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалуем наш верный вольный Дон.

П о э т

*(приближается, кланяясь низко
и хватая Гришку за полу)*

Великий принц, светлейший королевич!

С а м о з в а н е ц

Что хочешь ты?

П о э т

(подает ему бумагу)

Примите благосклонно
Сей бедный плод усердного труда.

С а м о з в а н е ц

Что вижу я? Латинские стихи!
Стократ священ союз меча и лиры,
Единый лавр их дружно обвивает.
Родился я под небом полунощным,
Но мне знаком латинской музыки голос,
И я люблю парнасские цветы.
Я верую в пророчества пиитов.
Нет, не вотще в их пламенной груди
Кипит восторг: благословится подвиг,
Его ж они прославили заране!
Приблизься, друг. В мое воспоминанье
Прими сей дар.
(Дает ему перстень.)

Когда со мной свершится
 Судьбы завет, когда корону предков
 Надену я, надеюсь вновь услышать
 Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн.
 Musa gloriam coronat, gloriaque musam l.
 Итак, друзья, до завтра, до свиданья.

В с е

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий,
 Да здравствует великий князь московский!

Замок воеводы Мнишка в Самборе
 Ряд освещенных комнат. Музыка.
 В и ш н е в е ц к и й, М н и ш е к.
 М н и ш е к

Он говорит с одной моей Мариной,
 Мариною одною занят он...
 А дело-то на свадьбу страх похоже;
 Ну – думал ты, признайся, Вишневецкий,
 Что дочь моя царицей будет? а?

В и ш н е в е ц к и й

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек,
 Что мой слуга взойдет на трон московский?

М н и ш е к

А какова, скажи, моя Марина?
 Я только ей промолвил: ну, смотри!
 Не упускай Димитрия!.. и вот
 Все кончено. Уж он в ее сетях.

Музыка играет польский.
 Самозванец идет с Мариною в первой паре.
 М а р и н а
 (*тихо Димитрию*)

Да, ввечеру, в одиннадцать часов,
 В аллее лип, я завтра у фонтана.

Расходятся. Другая пара.
 К а в а л е р

Что в ней нашел Димитрий?

Д а м а

Как! она
 Красавица.

К а в а л е р

Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Новая пара.
Дама

Он не красив, но вид его приятен
И царская порода в нем видна.

Новая пара.
Дама

Когда ж поход?

Кавалер

Когда велит царевич,
Готовы мы; но, видно, панна Мнишек
С Дмитрием задержит нас в плену.

Дама

Приятный плен.

Кавалер

Конечно, если вы...

Расходятся. Комнаты пустеют.
Мнишек

Мы, старики, уж нынче не танцуем,
Музыки гром не призывает нас,
Прелестных рук не ждем и не целуем –
Ох, не забыл старинных я проказ!
Теперь не то, не то, что прежде было:
И молодежь, ей-ей – не так смела,
И красота не так уж весела –
Признайся, друг: все как-то приуныло.
Оставим их; пойдем, товарищ мой,
Венгерского, обросшую травой,
Велим отрыть бутылку вековую
Да в уголку потянем-ка вдвоем
Душистый ток, струю, как жир, густую,
А между тем посудим кой о чем.
Пойдем же, брат.

Вишневецкий

И дело, друг, пойдем.

Ночь. Сад. Фонтан
С а м о з в а н е ц
(*входит*)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались – я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет – это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,
Как назову московскою царицей, –
Но час настал – и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображенье...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

М а р и н а
(*входит*)

Царевич!

С а м о з в а н е ц

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

М а р и н а

Димитрий! Вы?

С а м о з в а н е ц

Волшебный, сладкий голос!

(*Идет к ней.*)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

М а р и н а

Часы бегут, и дорого мне время –

Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя –
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

С а м о з в а н е ц

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь пред собой
Царевича. Марина! зри во мне
Любовника, избранного тобою,
Счастливого твоим единым взором.
О, выслушай моления любви,
Дай высказать все то, чем сердце полно.

М а р и н а

Не время, князь. Ты медлишь – и меж тем
Приверженность твоих клеветов стынет,
Час от часу опасность и труды
Становятся опасней и труднее,
Уж носятся сомнительные слухи,
Уж новизна сменяет новизну;
А Годунов свои приемлет меры...

С а м о з в а н е ц

Что Годунов? во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.
Твоя любовь... что без нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская держава?
В глухой степи, в землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне царскую корону,
Твоя любовь...

М а р и н а

Стыдись; не забывай
Высокого, святого назначенья:

Тебе твой сан дороже должен быть
Всех радостей, всех обольщений жизни,
Его ни с чем не можешь ты равнять.
Не юноше кипящему, безумно
Плененному моею красотой,
Знай: отдаю торжественно я руку
Наследнику московского престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

С а м о з в а н е ц

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что сан, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Как больно тем ты сердце мне язвишь –
Как! ежели... о страшное сомненье! –
Скажи: когда б не царское рожденье
Назначила слепая мне судьба;
Когда б я был не Иоаннов сын,
Не сей давно забытый миром отрок, –
Тогда б... тогда б любила ль ты меня?..

М а р и н а

Димитрий ты и быть иным не можешь;
Другого мне любить нельзя.

С а м о з в а н е ц

Нет! полно:
Я не хочу делиться с мертвецом
Любовницей, ему принадлежащей.
Нет, полно мне притворствоваться! скажу
Всю истину; так знай же: твой Димитрий
Давно погиб, зарыт – и не воскреснет:
А хочешь ли ты знать, кто я таков?
Изволь, скажу: я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо –
И наконец из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился;
Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

М а р и н а

О стыд! о горе мне!

(Молчание.)

С а м о з в а н е ц
(тихо)

Куда завлек меня порыв досады!
С таким трудом устроенное счастье
Я, может быть, навеки погубил.
Что сделал я, безумец? –

(Вслух.)

Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви.
Так вымолви ж мне роковое слово;
В твоих руках теперь моя судьба,
Реши: я жду.

(Бросается на колени.)
М а р и н а

Встань, бедный самозванец.
Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочке доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?
Ошибся, друг: у ног своих видала
Я рыцарей и графов благородных;
Но их мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтоб беглого монаха...

С а м о з в а н е ц
(встает)

Не презирай младого самозванца;
В нем доблести таятся, может быть,
Достойные московского престола,
Достойные руки твоей бесценной...

М а р и н а

Достойные позорной петли, дерзкий!

С а м о з в а н е ц

Виновен я; гордыней обуянный,
Обманывал я бога и царей,
Я миру лгал; но не тебе, Марина,
Меня казнить; я прав перед тобою.
Нет, я не мог обманывать тебя.
Ты мне была единственной святыней,
Пред ней же я притворствовать не смел.
Любовь, любовь ревнивая, слепая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

М а р и н а

Чем хвалится, безумец!
Кто требовал признанья твоего?
Уж если ты, бродяга безымянный,
Мог ослепить чудесно два народа,
Так должен уж по крайней мере ты
Достоин быть успеха своего
И свой обман отважный обеспечить
Упорною, глубокой, вечной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебе,
Могу ль, забыв свой род и стыд девичий,
Соединить судьбу мою с твоею,
Когда ты сам с такою простотой,
Так ветрено позор свой обличаешь?
Он из любви со мною проболтался!
Дивлюся: как перед моим отцом
Из дружбы ты доселе не открылся,
От радости пред нашим королем
Или еще пред паном Вишневецким
Из верного усердия слуги.

С а м о з в а н е ц

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

М а р и н а

Клянешься ты! итак, должна я верить –
О, верю я! – но чем, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? не именем ли бога,
Как набожный приемьш езуитов?
Иль честию, как витязь благородный,
Иль, может быть, единым царским словом,
Как царский сын? не так ли? говори.

Д и м и т р и й (гордо)

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. –
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,

Когда пройдет постыдной страсти жар!
Теперь иду – погибель иль венец
Мою главу в России ожидает,
Найду ли смерть, как воин в битве честной,
Иль как злодей на плахе площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не поделишь со мною;
Но – может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобою.

М а р и н а

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

С а м о з в а н е ц

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? – Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя,
Мятежница! поверь, молчать заставят.
Прощай.

М а р и н а

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но – слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле;
Веди полки скорее на Москву –
Очисти Кремль, садись на трон московский,
Тогда за мной шли брачного посла;
Но – слышит бог – пока твоя нога
Не оперлась на тронные ступени,
Пока тобой не свержен Годунов,
Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

С а м о з в а н е ц

Нет – легче мне сражаться с Годуновым
Или хитрить с придворным езуитом,
Чем с женщиной – черт с ними; мочи нет.
И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! – Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.

Но решено: завтра двину рать.

Граница литовская

(1604 года, 16 октября)

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.

Полки приближаются к границе.

Курбский

(прискакав первый)

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд – пью жадно воздух новый:
Он мне родной!.. теперь твоя душа,
О мой отец, утешится, и в гробе
Опальные возрадуются кости!
Блеснул опять наследственный наш меч,
Сей славный меч, гроза Казани темной,
Сей добрый меч, слуга царей московских!
В своем пиру теперь он загуляет
За своего надёжу-государя!..

Самозванец

(едет тихо с поникшей головой)

Как счастлив он! как чистая душа
В нем радостью и славой разыгралась!
О витязь мой! завидую тебе.
Сын Курбского, воспитанный в изгнанье,
Забыв отцом снесенные обиды,
Его вину за гробом искупив,
Ты кровь излить за сына Иоанна
Готовишься; законного царя
Ты возратить отечеству... ты прав,
Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский

Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..
Но пусть мой грех падет не на меня –
А на тебя, Борис-цареубийца! –
Вперед!

К у р б с к и й

Вперед! и горе Годунову!

Скачут. Полки переходят через границу.

ЦАРСКАЯ ДУМА

Ц а р ь, п а т р и а р х и б о я р е.

Ц а р ь

Возможно ли? Расстрига, беглый инок
На нас ведет злодейские дружины,
Дерзает нам писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! – Поезжайте
Ты, Трубецкой, и ты, Басманов: помочь
Нужна моим усердным воеводам.
Бунтовщиком Чернигов осажден.
Спасайте град и граждан.

Б а с м а н о в

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Ц а р ь

Мне свейский государь
Через послов союз свой предложил;
Но не нужна нам чуждая помощь;
Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.
Я отказал.
Щелкалов! разослать
Во все концы указы к воеводам,
Чтоб на коня садились и людей
По старине на службу высылали;
В монастырях подобно отобрать
Служителей причетных. В прежни годы,
Когда бедой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли.
Но не хотим тревожить ныне их;
Пусть молятся за нас они – таков
Указ царя и приговор боярский.
Теперь вопрос мы важный разрешим:
Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;
Повсюду им разосланные письма
Посеяли тревогу и сомненье;
На площадях мятежный бродит шепот,
Умы кипят... их нужно остудить;

Предупредить желал бы казни я,
Но чем и как? решим теперь. Ты первый,
Святой отец, свою поведай мысль.

П а т р и а р х

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь – да проїдет заблужденье:
Оно пройдет, и солнце правды вечной
Всех озарит.
Твой верный богомолец,
В делах мирских не мудрый судия,
Дерзает днесь подать тебе свой голос.
Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать – и сам
Он наготой своею посрамится.
Сам бог на то нам средство посылает:
Знай, государь, тому прошло шесть лет –
В тот самый год, когда тебя господь
Благословил на царскую державу, –
В вечерний час ко мне пришел однажды
Простой пастух, уже маститый старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В младых летах, – сказал он, – я ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зелием и тайным нашептаньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотворцам;
Напрасно я из кладязей святых
Кропил водой целебной темны очи;
Не посылал господь мне исцеленья.
Вот наконец утратил я надежду.
Я к тьме своей привык, и даже сны
Мне виданных вещей уж не являли,
А снилися мне только звуки. Раз,
В глубоком сне, я слышу, детский голос
Мне говорит: – Встань, дедушка, поди
Ты в Углич-град, в собор Преображенья;
Там помолись ты над моей могилкой,
Бог милостив – и я тебя прошу.
– Но кто же ты? – спросил я детский голос.
– Царевич я Димитрий. Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих,
И я теперь великий чудотворец!
Иди, старик. – Проснулся я и думал:
Что ж? может быть, и в самом деле бог
Мне позднее дарует исцеленье.

Пойду – и в путь отправился далекий.
Вот Углича достиг я, прихожу
В святой собор, и слушаю обедню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Так сладостно, как будто слепота
Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я внуку
Сказал: – Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия.– И мальчик
Повел меня – и только перед гробом
Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели; я увидел
И божий свет, и внука, и могилку».
Вот, государь, что мне поведал старец.

Общее смущение. В продолжение сей речи
Борис несколько раз отирает лицо платком.

Я посылал тогда нарочно в Углич,
И сведано, что многие страдальцы
Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски.
Вот мой совет: во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.

Молчание.

Князь Шуйский

Святой отец, кто ведает пути
Всевышнего? Не мне его судить.
Нетленный сон и силу чудотворства
Он может дать младенческим останкам,
Но надлежит народную молву
Исследовать прилежно и бесстрастно;
А в бурные ль смятений времена
Нам помышлять о столь великом деле?
Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется безумно,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Сам вижу я: необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить;
Но есть на то иные средства – проще.
Так, государь,– когда изволишь ты,
Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу.

Царь

Да будет так! Владыко патриарх,
 Прошу тебя пожаловать в палату:
 Сегодня мне нужна твоя беседа.

Уходит. За ним и все бояре.
 О д и н б о я р и н
 (*тихо другому*)

Заметил ты, как государь бледнел
 И крупный пот с лица его закапал?

Д р у г о й

Я – признаюсь – не смел поднять очей,
 Не смел вздохнуть, не только шевельнуться.

П е р в ы й б о я р и н

А выручил князь Шуйский. Молодец!

Равнина близ Новгорода-Северского
 (1604 года, 21 декабря)

Битва.
 В о и н ы
 (*бегут в беспорядке*)

Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!

Входят капитаны Маржерети Вальтер Розен.
 М а р ж е р е т

Куда, куда? Allons...1 пошоль назад!

О д и н и з б е г л е ц о в

Сам *пошоль*, коли есть охота, проклятый басурман.

М а р ж е р е т

Quoi? quoi?2

Д р у г о й

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского
 царевича; а мы ведь православные.

М а р ж е р е т

Qu'est-ce a dire *pravoslavni* ?.. Sacre€s gueux, maudites canailles!
 Mordieu, mein herr, j'enrage: on dirait que за n'a pas des bras pour frapper,
 за n'a que des jambes pour foutre le camp3.

В. Р о з е н

Es ist Schande⁴.

М а р ж е р е т

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas – puisque le vin est tire€, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein herr?⁵

В. Р о з е н

Sie haben Recht¹.

М а р ж е р е т

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous, mein herr?²

В. Р о з е н

Oh, ja!³

М а р ж е р е т

He²! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derriires de l'ennemi. Ce doit ktre le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie⁴.

В. Р о з е н

Ich glaube das⁵.

Входят немцы.

М а р ж е р е т

Ha, ha! voici nos Allemands. – Messieurs!.. Mein herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!⁶

В. Р о з е н

Sehr gut. Halt!¹

Немцы строятся.

Marsch!²

Н е м ц ы
(идут)

Hilf Gott!³

Сражение. Русские снова бегут.

Л я х и

Победа! победа! Слава царю Димитрию.

Д и м и т р и й
(*верхом*)

Ударить отбой! мы победили. Довольно; щадите русскую кровь.
Отбой!

Трубят, бьют барабаны.

Площадь перед собором в Москве
Н а р о д.
О д и н

Скоро ли царь выйдет из собора?

Д р у г о й

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

П е р в ы й

Что? уж проклинали *того* ?

Д р у г о й

Я стоял на паперти и слышал, как диакон завопил: Гришка
Отрепьев – анафема!

П е р в ы й

Пускай себе проклинаят; царевичу дела нет до Отрепьева.

Д р у г о й

А царевичу поют теперь вечную память.

П е р в ы й

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

Т р е т и й

Чу! шум. Не царь ли?

Ч е т в е р т ы й

Нет; это юродивый.

Входит ю р о д и в ы й в железной шапке,
обвешанный веригами, окруженный мальчишками.
М а л ь ч и ш к и

Николка, Николка – железный колпак!.. тр р р р...

Старуха

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. – Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый

(садится на землю и поет)

Месяц светит,
Котенок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Мальчишки окружают его снова.

Одних из них

Здравствуй, Николка; что же ты шапки не снимаешь? *(Щелкает его по железной шапке.)* Эх она звонит!

Юродивый

А у меня копеечка есть.

Мальчишка

Неправда! ну покажи.

(Вырывает копеечку и убегает.)

Юродивый

(плачет)

Взяли мою копеечку; обижают Николку!

Народ

Царь, царь идет.

Царь выходит из собора. Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.

Юродивый

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Ю р о д и в ы й

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Б о я р е

Пооди прочь, дурак! схватите дурака!

Ц а р ь

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.

(Уходит.)

Ю р о д и в ы й

(ему вслед)

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – богородица не велит.

Севск

С а м о з в а н е ц, окруженный своими.

С а м о з в а н е ц

Где пленный?

Л я х

Здесь.

С а м о з в а н е ц

Позвать его ко мне.

Входит р у с с к и й п л е н н и к.

Кто ты?

П л е н н и к

Рожнов, московский дворянин.

С а м о з в а н е ц

Давно ли ты на службе?

П л е н н и к

С месяц будет.

С а м о з в а н е ц

Не совестно, Рожнов, что на меня
Ты поднял меч?

П л е н н и к

Как быть, не наша воля.

С а м о з в а н е ц

Сражался ты под Северским?

П л е н н и к

Я прибыл
Недели две по битве – из Москвы.

С а м о з в а н е ц

Что Годунов?

П л е н н и к

Он очень был встревожен
Потерею сражения и раной
Мстиславского, и Шуйского послал
Начальствовать над войском.

С а м о з в а н е ц

А зачем
Он отозвал Басманова в Москву?

П л е н н и к

Царь наградил его заслуги честью
И золотом. Басманов в царской Думе
Теперь сидит.

С а м о з в а н е ц

Он в войске был нужнее.
Ну что в Москве?

П л е н н и к

Все, слава богу, тихо.

С а м о з в а н е ц

Что? ждут меня?

П л е н н и к

Бог знает; о тебе

Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову – такая, право, притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся, – глядь – лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

С а м о з в а н е ц

Завидна жизнь Борисовых людей!
Ну, войско что?

П л е н н и к

Что с ним? одето, сыто,
Довольно всем.

С а м о з в а н е ц

Да много ли его?

П л е н н и к

Бог ведает.

С а м о з в а н е ц

А будет тысяч тридцать?

П л е н н и к

Да наберешь и тысяч пятьдесят.

С а м о з в а н е ц задумывается.
Окружающие смотрят друг на друга.
С а м о з в а н е ц

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

П л е н н и к

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец.

С а м о з в а н е ц
(смеясь)

Так это я на деле
Им докажу: друзья, не станем ждать
Мы Шуйского; я поздравляю вас:

Назавтра бой.

(Уходит.)

В с е

Да здоровствует Димитрий!

Л я х

Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошел.

Д р у г о й

Пустое, друг: поляк
Один пятьсот москалей вызвать может.

П л е н н и к

Да, вызовешь. А как дойдет до драки,
Так убежишь от одного, хвастун.

Л я х

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник,
То я тебя

(указывая на свою саблю)

вот этим бы смирил.

П л е н н и к

Наш брат русак без сабли обойдется:
Не хочешь ли вот этого,

(показывая кулак)

безмозглый!

Лях гордо смотрит на него и молча отходит.
Все смеются.

ЛЕС

Л ж е д и м и т р и й, П у ш к и н.
В отдалении лежит конь издыхающий.
Л ж е д и м и т р и й

Мой бедный конь! как бодро поскакал
Сегодня он в последнее сражение
И, раненный, как быстро нес меня.
Мой бедный конь!

Пушкин
(про себя)

Ну вот о чем жалеет!
Об лошади! когда все наше войско
Побито в прах!

Самозванец

Послушай, может быть,
От раны он лишь только заморился
И отдохнет.

Пушкин

Куда! он издыхает.

Самозванец
(идет к своему коню)

Мой бедный конь!.. что делать? снять узду
Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле
Издохнет он.

(Разуздывает и расседывает коня.)

Входят несколько ляхов.

Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

Лях

Он лег на поле смерти.

Самозванец

Честь храброму и мир его душе!
Как мало нас от битвы уцелело.
Изменники! злодеи-запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили нас –
Не выдержать и трех минут отпора!
Я их ужо! десятого повешу,
Разбойники!

Пушкин

Кто там ни виноват,

Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

С а м о з в а н е ц

А дело было наше;
Я было смял передовую рать –
Да немцы нас порядком отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы,
Люблю за то – из них уж непременно
Составлю я почетную дружину.

П у ш к и н

А где-то нам сегодня ночевать?

С а м о з в а н е ц

Да здесь в лесу. Чем это не ночлег?
Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске.
Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и засыпает.)

П у ш к и н

Приятный сон, царевич!
Разбитый в прах, спасаяся побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье;
И мы, друзья, не станем унывать.

Москва. Царские палаты

Б о р и с, Б а с м а н о в.

Ц а р ь

Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.
Вот слава! нет, я ими недоволен,
Пошлю тебя начальствовать над ними;
Не род, а ум поставлю в воеводы;
Пускай их спесь о местничестве тужит;
Пора презреть мне ропот знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Б а с м а н о в

Ах, государь, стократ благословен
Тот будет день, когда Разрядны книги
С раздорами, с гордыней родословной

Пожрет огонь.

Ц а р ь

День этот недалек;
Лишь дай сперва смятение народа
Мне усмирить.

Б а с м а н о в

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятению тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Ц а р ь

Конь иногда сбивает седока,
Сын у отца не вечно в полной воле.
Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержатъ народ. Так думал Иоанн,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже.

Входит б о я р и н.

Что?

Б о я р и н

Привели гостей иноплеменных.

Ц а р ь

Иду принять; Басманов, погоди,
Останься здесь: с тобой еще мне нужно
Поговорить.

(Уходит.)

Б а с м а н о в

Высокий дух державный.
Дай бог ему с Отрепьевым проклятым
Управиться, и много, много он
Еще добра в России сотворит.
Мысль важная в уме его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мне поприще откроется, когда
Он сломит рог боярству родовому!

Соперников во брани я не знаю;
У царского престола стану первый...
И может быть... Но что за чудный шум?

Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся.
Один

За лекарем!

Другой

Скорее к патриарху.

Третий

Царевича, царевича зовет!

Четвертый

Духовника!

Басманов

Что сделалось такое?

Пятый

Царь занемог.

Шестой

Царь умирает.

Басманов

Боже!

Пятый

На троне он сидел и вдруг упал –
Кровь хлынула из уст и из ушей.

Царя выносят на стуле;
все царское семейство, все бояре.

Царь

Подите все – оставьте одного
Царевича со мною.

Все удаляются.

Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!

Сейчас явлюсь перед тобой – и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
Я, я за все один отвечу богу...
О милый сын, не обольщайся ложно,
Не ослепляй себя ты добровольно –
В дни бурные державу ты приемлешь:
Опасен он, сей чудный самозванец,
Он именем ужасным ополчен...
Я, с давних лет в правленье искушенный,
Мог удержать смятенье и мятеж;
Передо мной они дрожали в страхе,
Возвысить глас измена не дерзала.
Но ты, младой, неопытный властитель,
Как управлять ты будешь под грозой,
Тушить мятеж, опутывать измену?
Но бог велик! Он умудряет юность,
Он слабости дарует силу... слушай:
Советника, во-первых, избери
Надежного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом – а в боярах
Почтенного породой или славой –
Хоть Шуйского. Для войска нынче нужен
Искусный вождь: Басманова пошли
И с твердостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;
Не изменяй теченья дел. Привычка –
Душа держав. Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни – можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпускай...
Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.
О милый сын, тыходишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях

В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь всегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою –
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.

Ф е о д о р
(на коленях)

Нет, нет – живи и царствуй долговечно:
Народ и мы погибли без тебя.

Ц а р ь

Все кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...

Входит п а т р и а р х, с в я т и т е л и,
за ними все б о я р е.
Царицу ведут под руки, царица рыдает.

Кто там?
А! схима... так! святое пострижение...
Ударил час, в монахи царь идет –
И темный гроб моею будет кельей...
Повремени, владыко патриарх,
Я царь еще: внемлите вы, бояре:
Се тот, кому приказываю царство;
Целуйте крест Феодору... Басманов,
Друзья мои... при гробе вас молю
Ему служить усердием и правдой!
Он так еще и млад и непорочен...
Клянетесь ли?

Б о я р е

Клянемся.

Ц а р ь

Я доволен.
Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приближься, я готов.

Начинается обряд пострижения.
Женщин в обмороке выносят.
Ставка
Б а с м а н о в вводит П у ш к и н а.
Б а с м а н о в

Войди сюда и говори свободно.

Итак, тебя ко мне он посылает?

Пушкин

Тебе свою он дружбу предлагает
И первый сан по нем в московском царстве.

Басманов

Но я и так Феодором высоко
Уж вознесен. Начальствую над войском,
Он для меня презрел и чин разрядный,
И гнев бояр – я присягал ему.

Пушкин

Ты присягал наследнику престола
Законному; но если жив другой,
Законнейший?..

Басманов

Послушай, Пушкин, полно,
Пустого мне не говори; я знаю,
Кто он такой.

Пушкин

Россия и Литва
Димитрием давно его признали,
Но, впрочем, я за это не стою.
Быть может, он Димитрий настоящий,
Быть может, он и самозванец. Только
Я ведаю, что рано или поздно
Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов

Пока стою за юного царя,
Дотоле он престола не оставит;
Полков у нас довольно, слава богу!
Победою я их одушевлею,
А вы, кого против меня пошлете?
Не казака ль Карелу? али Мнишка?
Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин

Ошибся ты: и тех не наберешь –
Я сам скажу, что войско наше дрянь,
Что казаки лишь только селы грабят,
Что поляки лишь хвастают да пьют,
А русские... да что и говорить...
Перед тобой не стану я лукавить;

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?
Ты видел сам, охотно ль ваши рати
Сражались с ним; когда же? при Борисе!
А нынче ль?.. Нет, Басманов, поздно спорить
И раздувать холодный пепел брани:
Со всем твоим умом и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебе
Дать первому пример благоразумный,
Димитрия царем провозгласить
И тем ему навеки удружить?
Как думаешь?

Б а с м а н о в

Узнаете вы завтра.

П у ш к и н

Решишь.

Б а с м а н о в

Прощай.

П у ш к и н

Подумай же, Басманов.

(Уходит.)

Б а с м а н о в

Он прав, он прав; везде измена зреет –
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность молодого венценосца
Предательством ужасным заплатить...
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и заговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там?

(Свищет.)

Коня! Трубите сбор.

Лобное место

Пушкин идет, окруженный народом.

Народ

Царевич нам боярина послал.
Послушаем, что скажет нам боярин.
Сюда! сюда!

Пушкин

(на амвоне)

Московские граждане,
Вам кланяться царевич приказал.
(Кланяется.)
Вы знаете, как промысел небесный
Царевича от рук убийцы спас;
Он шел казнить злодея своего,
Но божий суд уж поразил Бориса.
Димитрию Россия покорила;
Басманов сам с раскаяньем усердным
Свои полки привел ему к присяге.
Димитрий к вам идет с любовью, с миром.
В угоду ли семейству Годуновых
Подымете вы руку на царя
Законного, на внука Мономаха?

(Кланяется.)

Народ

Вестимо нет.

Пушкин

Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под властью жестокого прищельца:
Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад – всё испытали вы.
Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов – и весь честной народ.
Вы ль станете упрямитесь безумно
И милостей кичливо убегать?
Но он идет на царственный престол
Своих отцов – в сопровожденье грозном.

Не гневайте ж царя и бойтесь бога.
Целуйте крест законному владыке;
Смиритесь, немедленно пошлите
К Димитрию во стан митрополита,
Бояр, дьяков и выборных людей,
Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит.)

Шум народный.

Н а р о д

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец!

М у ж и к н а а м в о н е

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Н а р о д

(несется толпою)

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца

Ф е о д о р под окном.

Н и щ и й

Дайте милостыню, Христа ради!

С т р а ж а

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Ф е о д о р

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

К с е н и я под покрывалом подходит также к окну.

О д и н и з н а р о д а

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Д р у г о й

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

П е р в ы й

Отец был злодей, а детки невинны.

Д р у г о й

Яблоко от яблони недалеко падает.

К с е н и я

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Ф е о д о р

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

К с е н и я

Ах, братец, сердце замирает.

Г о л и ц ы н, М о с а л ь с к и й, М о л ч а н о в
и Ш е р е ф е д и н о в. З а н и м и т р о е с т р е л ь ц о в.
Н а р о д

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

Они входят в дом.
О д и н и з н а р о д а

Зачем они пришли?

Д р у г о й

А верно, приводить к присяге Феодора Годунова.

Т р е т и й

В самом деле? – слышишь, какой в доме шум! Тревога, дерутся...

Н а р о д

Слышишь? визг! – это женский голос – взойдем! – Двери
заперты – крики замолкли.

Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.
М о с а л ь с к и й

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы
видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.
Народ *безмолвствует* .
Конец

Моцарт и Сальери

Сцена I
Комната.
С а л ь е р и

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался – слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить, но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденные,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я всё, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усиленным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.

Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! – ниже2, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Ниже2, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне – сам скажу – я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. – О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан –
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

Входит М о ц а р т.
М о ц а р т

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя неожиданной шуткой угостить.

С а л ь е р и

Ты здесь! – Давно ль?

М о ц а р т

Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг, Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал *voi che sapete*1. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

Входит с л е п о й с т а р и к со скрипкой.

Из Моцарта нам что-нибудь!

Старик играет арию из Дон-Жуана;
Моцарт хохочет.
С а л ь е р и

И ты смеяться можешь?

М о ц а р т

Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься?

С а л ь е р и

Нет.
Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадону Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.

М о ц а р т

Постой же: вот тебе,
Пей за мое здоровье.

Старик уходит.
С а л ь е р и

Что ты мне принес?

М о ц а р т

Нет – так; безделицу. Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мненье; но теперь
Тебе не до меня.

С а л ь е р и

Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.

М о ц а р т
(за фортепиано)

Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня – немного помоложе;
Влюбленного – не слишком, а слегка, –
С красоткой или с другом – хоть с тобой, –
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играет.)
С а л ь е р и

Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! – Боже!

Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

Моцарт

Что ж, хорошо?

Сальери

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!
Ты, Моцарт, Бог и сам того не знаешь;
Я знаю, я.

Моцарт

Ба, право? может быть...
Но божество мое проголодалось.

Сальери

Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.

Моцарт

Пожалуй;
Я рад. Но дай схожу домой сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

(Уходит.)

Сальери

Жду тебя; смотри ж.
Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить, – не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, как он исчезнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем лучше.
Вот яд, последний дар моей Изоры.
Осьмнадцать лет ношу его с собою –
И часто жизнь казалась мне с тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной трапезой

И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус.
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня восторг,
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден сотворит
Великое – и наслажуся им...
Как пировал я с гостем ненавистным,
Быть может, мнил я, злейшего врага
Найду; быть может, злейшая обида
В меня с надменной грянет высоты –
Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.
И я был прав! И наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь – пора! заветный дар любви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.

Сцена II

Особая комната в трактире; фортепиано.

Моцарт и Сальери за столом.

Сальери

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт

Я? Нет!

Сальери

Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцарт

Признаться,
Мой Requiem¹ меня тревожит.

Сальери

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт

Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?

С а л ь е р и

Нет.

М о ц а р т

Так слушай:
Недели три тому пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего – не знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас
И стал писать – и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...

С а л ь е р и

Что?

М о ц а р т

Мне совестно признаться в этом...

С а л ь е р и

В чем же?

М о ц а р т

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду,
Как тень, он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит.

С а л ь е р и

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

М о ц а р т

Да, Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я всё твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

С а л ь е р и

Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.

М о ц а р т

Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство –
Две вещи несовместные. Не правда ль?

С а л ь е р и
Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта.)

Ну, пей же.

М о ц а р т

За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.

(Пьет.)

С а л ь е р и

Постой.
Постой, постой!.. Ты выпил!.. без меня?

М о ц а р т

(бросает салфетку на стол)

Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem.

(Играет.)

Ты плачешь?

С а л ь е р и

Эти слезы
 Впервые лью: и больно и приятно,
 Как будто тяжкий совершил я долг,
 Как будто нож целебный мне отсек
 Страдавший член! друг Моцарт, эти слезы...
 Не замечай их. Продолжай, спешу
 Еще наполнить звуками мне душу...

Моцарт

Когда бы все так чувствовали силу
 Гармонии! но нет: тогда б не мог
 И мир существовать; никто б не стал
 Заботиться о нуждах низкой жизни;
 Все предались бы вольному искусству.
 Нас мало избранных, счастливых праздных,
 Пренебрегающих презренной пользой,
 Единого прекрасного жрецов.
 Не правда ль? Но я нынче нездоров,
 Мне что-то тяжело; пойду засну.
 Прощай же!

Сальери

До свиданья.

(Один.)

Ты заснешь
 Надолго, Моцарт! но ужель он прав,
 И я не гений? Гений и злодейство
 Две вещи несовместные. Неправда:
 А Бонаротти? или это сказка
 Тупой, бессмысленной толпы – и не был
 Убийцею создатель Ватикана?

Каменный гость

Leporello. O statua gentilissima
 Del gran' Commendatore!..
 ...Ah, Padrone!
 Don Giovanni 1
 Сцена I
 Дон Гуани Лепорелло.
 Дон Гуан

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
 Достигли мы ворот Мадрита! Скоро
 Я полечу по улицам знакомым,
 Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
 Как думаешь? узнать меня нельзя?

Лепорелло

Да, Дон Гуана мудрено признать!
Таких, как он, такая бездна!

Д о н Г у а н

Шутишь?
Да кто ж меня узнает?

Л е п о р е л л о

Первый сторож,
Гитана, или пьяный музыкант,
Иль свой же брат, нахальный кавалер,
Со шпагою под мышкой и в плаще.

Д о н Г у а н

Что за беда, хоть и узнают. Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем,
Я никого в Мадрите не боюсь.

Л е п о р е л л о

А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился, – что тогда, скажите,
Он с вами сделает?

Д о н Г у а н

Пошлет назад.
Уж, верно, головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
Меня он удалил, меня ж любя,
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого...

Л е п о р е л л о

Ну то-то же!
Сидели б вы себе спокойно там.

Д о н Г у а н

Слуга покорный! я едва-едва
Не умер там со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?.. точный дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц – право.
Они сначала нравились мне
Глазами синими, да белизною,

Да скромностью – а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался –
Увидел я, что с ними грех и знаясь –
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!.. Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

Л е п о р е л л о

Как не узнать: Антоньев монастырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, должность. Вы
Приятнее здесь время проводили,
Чем я, поверьте.

Д о н Г у а н
(задумчиво)

Бедная Инеза!
Ее уж нет! Как я любил ее!

Л е п о р е л л о

Инеза! – черноглазую... о, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.

Д о н Г у а н

В июле... ночью. Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвелых губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб, как у больной,
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Л е п о р е л л о

Что ж, вслед за ней другие были.

Д о н Г у а н

Правда.

Л е п о р е л л о

А живы будем, будут и другие.

Д о н Г у а н

И то.

Л е п о р е л л о

Теперь которую в Мадрите
Отыскивать мы будем?

Д о н Г у а н

О, Лауру!
Я прямо к ней бегу являться.

Л е п о р е л л о

Дело.

Д о н Г у а н

К ней прямо в дверь, – а если кто-нибудь
Уж у нее – прошу в окно прыгнуть.

Л е п о р е л л о

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.
Кто к нам идет?

Входит м о н а х.

М о н а х

Сейчас она приедет
Сюда. Кто здесь? Не люди ль Доны Анны?

Л е п о р е л л о

Нет, сами по себе мы господа,
Мы здесь гуляем.

Д о н Г у а н

А кого вы ждете?

М о н а х

Сейчас должна приехать Дона Анна
На мужнину гробницу.

Д о н Г у а н

Дона Анна
Де-Сольва! как! супруга командора,

Убитого... не помню кем?

М о н а х

Развратным,
Бессовестным, безбожным Дон Гуаном.

Л е п о р е л л о

Ого! вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже.
Отшельники хвалы ему поют.

М о н а х

Он вам знаком, быть может?

Л е п о р е л л о

Нам? нимало.
А где-то он теперь?

М о н а х

Его здесь нет,
Он в ссылке далеко.

Л е п о р е л л о

И слава Богу.
Чем далее, тем лучше. Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в море.

Д о н Г у а н

Что, что ты врешь?

Л е п о р е л л о

Молчите: я нарочно...

Д о н Г у а н

Так здесь похоронили командора?

М о н а х

Здесь; памятник жена ему воздвигла
И приезжает каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

Д о н Г у а н

Что за странная вдова?
И недурна?

М о н а х

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно; не может и угодник
В ее красе чудесной не сознаться.

Д о н Г у а н

Недаром же покойник был ревнив.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
Я с нею бы хотел поговорить.

М о н а х

О, Дона Анна никогда с мужчиной
Не говорит.

Д о н Г у а н

А с вами, мой отец?

М о н а х

Со мной иное дело; я монах.
Да вот она.

Входит Д о н а А н н а.
Д о н а А н н а

Отец мой, отоприте.

М о н а х

Сейчас, сеньора; я вас ожидал.

Дона Анна идет за монахом.
Л е п о р е л л о

Что, какова?

Д о н Г у а н

Ее совсем не видно
Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.

Л е п о р е л л о

Довольно с вас. У вас воображенье

В минуту дорисует остальное;
Оно у нас проворней живописца.
Вам всё равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли.

Д о н Г у а н

Слушай, Лепорелло.
Я с нею познакомлюсь.

Л е п о р е л л о

Вот еще!
Куда как нужно! Мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи слезы.
Бессовестный!

Д о н Г у а н

Однако уж и смерклось.
Пока луна над нами не взошла
И в светлый сумрак тьмы не обратила,
Взойдем в Мадрит.

(Уходит.)

Л е п о р е л л о

Испанский гранд, как вор,
Ждет ночи и луны боится – Боже!
Проклятое житье. Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

Сцена II

Комната. Ужин у Л а у р ы.

П е р в ы й г о с т ь

Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!

В т о р о й

Как развила ее! С какою силой!

Т р е т и й

С каким искусством!

Л а у р а

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движение, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью,
Слова лились, как будто их рождала

Не память рабская, но сердце...

П е р в ы й

Правда.
Да и теперь глаза твои блестят
И щеки разгорелись, не проходит
В тебе восторг. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно; спой, Лаура,
Спой что-нибудь.

Л а у р а

Подайте мне гитару.

(Поет.)

В с е

O brava! brava! чудно! бесподобно!

П е р в ы й

Благодарим, волшебница. Ты сердце
Чаруешь нам. Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь – мелодия... взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость.

В т о р о й

Какие звуки! сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?

Л а у р а

Дон Гуана.

Д о н К а р л о с

Что? Дон Гуан!

Л а у р а

Их сочинил когда-то
Мой верный друг, мой ветреный любовник.

Д о н К а р л о с

Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец,
А ты, ты дура!

Л а у р а

Ты с ума сошел?

Да я сейчас велю тебя зарезать
Моим слугам, хоть ты испанский гранд.

Д о н К а р л о с
(встает)

Зови же их.

П е р в ы й

Лаура, перестань;
Дон Карлос, не сердись. Она забыла...

Л а у р а

Что? что Гуан на поединке честно
Убил его родного брата? Правда: жаль,
Что не его.

Д о н К а р л о с

Я глуп, что осердился.

Л а у р а

Ага! сам сознаешься, что ты глуп.
Так помиримся.

Д о н К а р л о с

Виноват, Лаура,
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

Л а у р а

А виновата ль я, что поминутно
Мне на язык приходит это имя?

Г о с т ь

Ну, в знак, что ты совсем уж не сердита,
Лаура, спой еще.

Л а у р а

Да, на прощанье.
Пора, уж ночь. Но что же я спою?
А, слушайте.

(Поет.)
В с е

Прелестно, бесподобно!

Лаура

Прощайте ж, господа.

Гости

Прощай, Лаура.

Выходят. Лаура останавливает Дон Карлоса.

Лаура

Ты, бешеный! останься у меня.
Ты мне понравился; ты Дон Гуана
Напомнил мне, как выбранил меня
И стиснул зубы с скрежетом.

Дон Карлос

Счастливец!
Так ты его любила?

Лаура делает утвердительно знак.

Лаура

Очень.

Дон Карлос

И любишь и теперь?

Лаура

В сию минуту?
Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

Дон Карлос

Скажи, Лаура,
Который год тебе?

Лаура

Осьмнадцать лет.

Дон Карлос

Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя
Еще лет шесть они толпиться будут,
Тебя ласкать, лелеить и дарить,
И серенадами ночными тешить,

И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют,
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой,
Тогда – что скажешь ты?

Лаура

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди – открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух – ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной –
И сторожа кричат протяжно: *Ясно!*..
А далеко, на севере – в Париже –
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует. –
А нам какое дело? слушай, Карлос.
Я требую, чтоб улыбнулся ты; –
Ну то-то ж!

Дон Карлос

Милый демон!

Стучат.
Дон Гуан

Гей! Лаура!

Лаура

Кто там? чей это голос?

Дон Гуан

Отпри...

Лаура

Ужели!.. Боже!..

(Отпирает двери, входит Дон Гуан.)
Дон Гуан

Здравствуй...

Лаура

Дон Гуан!..

(Лаура кидается ему на шею.)

Д о н К а р л о с

Как! Дон Гуан!..

Д о н Г у а н

Лаура, милый друг!..

(Целует ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Д о н К а р л о с

Я,
Дон Карлос.

Д о н Г у а н

Вот нечаянная встреча!
Я завтра весь к твоим услугам.

Д о н К а р л о с

Нет!
Теперь – сейчас.

Л а у р а

Дон Карлос, перестаньте!
Вы не на улице – вы у меня –
Извольте выйти вон.

Д о н К а р л о с
(ее не слушая)

Я жду. Ну что ж,
Ведь ты при шпаге.

Д о н Г у а н

Ежели тебе
Не терпится, изволь.

Бьются.
Л а у р а

Ай! Ай! Гуан!..

(Кидается на постелю.)

Дон Карлос падает.

Д о н Г у а н

Вставай, Лаура, кончено.

Лаура

Что там?
Убит? прекрасно! в комнате моей!
Что делать мне теперь, повеса, дьявол?
Куда я выброшу его?

Дон Гуан

Быть может,
Он жив еще.

Лаура

(осматривает тело)

Да! жив! гляди, проклятый,
Ты прямо в сердце ткнул – небось не мимо,
И кровь нейдет из треугольной ранки,
А уж не дышит – каково?

Дон Гуан

Что делать?
Он сам того хотел.

Лаура

Эх, дон Гуан,
Досадно, право. Вечные проказы –
А всё не виноват... Откуда ты?
Давно ли здесь?

Дон Гуан

Я только что приехал,
И то тихонько – я ведь не прощен.

Лаура

И вспомнил тотчас о своей Лауре?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не верю я. Ты мимо шел случайно
И дом увидел.

Дон Гуан

Нет, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городом, в проклятой венте. Я Лауры
Пришел искать в Мадрите.

(Целует ее.)

Лаура

Друг ты мой!..
Постой... при мертвом!.. что нам делать с ним?

Дон Гуан

Оставь его – перед рассветом, рано,
Я вынесу его под епанчею
И положу на перекрестке.

Лаура

Только
Смотри – чтоб не увидели тебя,
Как хорошо ты сделал, что явился
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здесь ужинали. Только
Что вышли вон. Когда б ты их застал!

Дон Гуан

Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура

Кого? ты, видно, бредишь.

Дон Гуан

А признайся,
А сколько раз ты изменяла мне
В моем отсутствии?

Лаура

А ты, повеса?

Дон Гуан

Скажи... Нет, после переговоров.

Сцена III

Памятник командора.

Дон Гуан

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь – и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мне кажется, замечен. До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впущуся в разговоры с ней; пора.

С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без нее –
Я думаю – скучает командор.
Каким он здесь представлен исполином!
Какие плечи! что за Геркулес!..
А сам покойник мал был и щеделушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза, – а был
Он горд и смел – и дух имел суровый...
А! вот она.

Входит Дона Анна.
Д о н а А н н а

Опять он здесь. Отец мой,
Я развлекла вас в ваших помышленьях –
Простите.

Д о н Г у а н

Я просить прощенья должен
У вас, сеньора. Может, я мешаю
Печали вашей вольно изливаться.

Д о н а А н н а

Нет, мой отец, печаль моя во мне,
При вас мои моленья могут к небу
Смирненно возноситься – я прошу
И вас свой голос с ними соединить.

Д о н Г у а н

Мне, мне молиться с вами, Дона Анна!
Я не достоин участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять –
Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мрамор бледный
Рассыплете – и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил,
В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь безмолвно
И думаю – счастлив, чей хладный мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами...

Д о н а А н н а

Какие речи – странные!

Д о н Г у а н

Сеньора?

Д о н а А н н а

Мне... вы забыли.

Д о н Г у а н

Что? что недостойный
Отшельник я? что грешный голос мой
Не должен здесь так громко раздаваться?

Д о н а А н н а

Мне показалось... я не поняла...

Д о н Г у а н

Ах вижу я: вы всё, вы всё узнали!

Д о н а А н н а

Что я узнала?

Д о н Г у а н

Так, я не монах –
У ваших ног прощенья умоляю.

Д о н а А н н а

О Боже! встаньте, встаньте... Кто же вы?

Д о н Г у а н

Несчастный, жертва страсти безнадежной.

Д о н а А н н а

О Боже мой! и здесь, при этом гробе!
Подите прочь.

Д о н Г у а н

Минуту, Дона Анна,
Одну минуту!

Д о н а А н н а

Если кто взойдет!..

Д о н Г у а н

Решетка заперта. Одну минуту!

Д о н а А н н а

Ну? что? чего вы требуете?

Д о н Г у а н

Смерти.
О, пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят,
Не подле праха, милого для вас,
Не тут – не близко – дале где-нибудь,
Там – у дверей – у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб,
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Д о н а А н н а

Вы не в своем уме.

Д о н Г у а н

Или желать
Кончины, Дона Анна, знак безумства?
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я напротив
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

Д о н а А н н а

И так-то вы
Молчите?

Д о н Г у а н

Случай, Дона Анна, случай
Увлёк меня – не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Д о н а А н н а

И любите давно уж вы меня?

Д о н Г у а н

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит слово счастье.

Д о н а А н н а

Подите прочь – вы человек опасный.

Д о н Г у а н

Опасный! чем?

Д о н а А н н а

Я слушать вас боюсь.

Д о н Г у а н

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому ваш вид одна отрада.
Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

Д о н а А н н а

Подите – здесь не место
Таким речам, таким безумствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мне такое ж уваженье,
Я вас приму – но вечером – позднее –
Я никого не вижу с той поры,
Как овдовела...

Д о н Г у а н

Ангел, Дона Анна!
Утешь вас Бог, как сами вы сегодня
Утешили несчастного страдальца.

Д о н а А н н а

Подите ж прочь.

Д о н Г у а н

Еще одну минуту.

Д о н а А н н а

Нет, видно, мне уйти... к тому ж моленье
Мне в ум нейдет. Вы развлекли меня
Речами светскими; от них уж ухо
Мое давно, давно отвыкло – завтра
Я вас приму.

Д о н Г у а н

Еще не смею верить,
Не смею счастью моему предаться...
Я завтра вас увижу! – и не здесь,
И не украдкою!

Д о н а А н н а

Да, завтра, завтра.
Как вас зовут?

Д о н Г у а н

Диего де Кальвадо.

Д о н а А н н а

Прощайте, Дон Диего.

(Уходит.)

Д о н Г у а н

Лепорелло!

Л е п о р е л л о в х о д и т .

Л е п о р е л л о

Что вам угодно?

Д о н Г у а н

Милый Лепорелло!
Я счастлив!.. «Завтра – вечером, позднее...»
Мой Лепорелло, завтра – приготовь...
Я счастлив, как ребенок!

Л е п о р е л л о

С Доной Анной
Вы говорили? может быть, она
Сказала вам два ласкового слова

Или ее благословили вы.

Д о н Г у а н

Нет, Лепорелло, нет! она свиданье,
Свиданье мне назначила!

Л е п о р е л л о

Неужто!
О вдовы, все вы таковы.

Д о н Г у а н

Я счастлив!
Я петь готов, я рад весь мир обнять.

Л е п о р е л л о

А командор? что скажет он об этом?

Д о н Г у а н

Ты думаешь, он станет ревновать!
Уж, верно, нет; он человек разумный
И, верно, присмирел с тех пор, как умер.

Л е п о р е л л о

Нет; посмотрите на его статую.

Д о н Г у а н

Что ж?

Л е п о р е л л о

Кажется, на вас она глядит
И сердится.

Д о н Г у а н

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне –
Нет, не ко мне, – а к Доне Анне, завтра.

Л е п о р е л л о

Статую в гости звать! зачем?

Д о н Г у а н

Уж, верно,
Не для того, чтоб с нею говорить, –

Проси статую завтра к Доне Анне
Прийти попозже вечером и стать
У двери на часах.

Л е п о р е л л о

Охота вам
Шутить, и с кем!

Д о н Г у а н

Ступай же!

Л е п о р е л л о

Но...

Д о н Г у а н

Ступай.

Л е п о р е л л о

Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин Дон Гуан покорно просит
Пожаловать. Ей-богу, не могу,
Мне страшно.

Д о н Г у а н

Трус! вот я тебя!..

Л е п о р е л л о

Позвольте.
Мой барин, Дон Гуан, вас просит завтра
Прийти попозже в дом супруги вашей
И стать у двери...

Статуя кивает головой в знак согласия.

Д о н Г у а н

Что там?

Л е п о р е л л о

Ай, ай!..
Ай, ай... Умру!

Д о н Г у а н

Что случилось с тобою?

Л е п о р е л л о

(кивая головой)

Статуя... ай!..

Д о н Г у а н

Ты кланяешься!

Л е п о р е л л о

Нет,
Не я, она!

Д о н Г у а н

Какой ты вздор несешь!

Л е п о р е л л о

Подите сами.

Д о н Г у а н

Ну, смотри ж, бездельник.

(Статые.)

Я, командор, прошу тебя прийти
К твоей вдове, где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях. Что? будешь?

Статуя кивает опять.

Л е п о р е л л о

Что? я говорил...

Д о н Г у а н

Уйдем.

Сцена IV

Комната Доны Анны.

Д о н Г у а н и Д о н а А н н а.

Д о н а А н н а

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет: бедная вдова,
Всё помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?

Д о н Г у а н

Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной, здесь – не там,
Не при гробнице мертвого счастливца –
И вижу вас уже не на коленях
Пред мраморным супругом.

Д о н а А н н а

Дон Диего,
Так вы ревнивы – муж мой и во гробе
Вас мучит?

Д о н Г у а н

Я не должен ревновать.
Он вами выбран был.

Д о н а А н н а

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат.

Д о н Г у а н

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал – с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, всё бы отдал,
Всё за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупреждать; чтоб ваша жизнь
Была одним волшебством непрерывным.
Увы! Судьба судила мне иное.

Д о н а А н н а

Диего, перестаньте: я грешу,
Вас слушая, – мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна.
Когда бы знали вы, как Дон Альвар
Меня любил! о, Дон Альвар уж, верно,
Не принял бы к себе влюбленной дамы,
Когда б он овдовел, – он был бы верн
Супружеской любви.

Д о н Г у а н

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
Супруга. Полно вам меня казнить,

Хоть казнь я заслужил, быть может.

Д о н а А н н а

Чем же?
Вы узами не связаны святыми
Ни с кем – не правда ль? Полюбив меня,
Вы предо мной и перед небом правы.

Д о н Г у а н

Пред вами! Боже!

Д о н а А н н а

Разве вы виновны
Передо мной? Скажите, в чем же?

Д о н Г у а н

Нет,
Нет, никогда.

Д о н а А н н а

Диего, что такое?
Вы предо мной не правы? в чем, скажите?

Д о н Г у а н

Нет! ни за что!

Д о н а А н н а

Диего, это странно:
Я вас прошу, я требую.

Д о н Г у а н

Нет, нет.

Д о н а А н н а

А! Так-то вы моей послушны воле!
А что сейчас вы говорили мне?
Что вы б рабом моим желали быть.
Я рассержусь, Диего: отвечайте,
В чем предо мной виновны вы?

Д о н Г у а н

Не смею,
Вы ненавидеть станете меня.

Д о н а А н н а

Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...

Д о н Г у а н

Не желайте знать
Ужасную, убийственную тайну.

Д о н а А н н а

Ужасную! вы мучите меня.
Я страх как любопытна – что такое?
И как меня могли вы оскорбить?
Я вас не знала – у меня врагов
И нет и не было. Убийца мужа
Один и есть.

Д о н Г у а н
(про себя)

Идет к развязке дело!
Скажите мне: несчастный Дон Гуан
Вам незнаком?

Д о н а А н н а

Нет, отроду его
Я не видала.

Д о н Г у а н

Вы в душе к нему
Питаете вражду?

Д о н а А н н а

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
От моего вопроса, Дон Диего –
Я требую...

Д о н Г у а н

Что, если б Дон Гуана
Вы встретили?

Д о н а А н н а

Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.

Д о н Г у а н

Дона Анна,
Где твой кинжал? вот грудь моя.

Д о н а А н н а

Диего!
Что вы?

Д о н Г у а н

Я не Диего, я Гуан.

Д о н а А н н а

О Боже! нет, не может быть, не верю.

Д о н Г у а н

Я Дон Гуан.

Д о н а А н н а

Неправда.

Д о н Г у а н

Я убил
Супруга твоего; и не жалею
О том – и нет раскаянья во мне.

Д о н а А н н а

Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Д о н Г у а н

Я Дон Гуан, и я тебя люблю.

Д о н а А н н а
(падая)

Где я?.. где я? мне дурно, дурно.

Д о н Г у а н

Небо!
Что с нею? что с тобою, Дона Анна?
Встань, встань, проснись, опомнись: твой Диего,
Твой раб у ног твоих.

Д о н а А н н а

Оставь меня!

(Слабо.)

О, ты мне враг – ты отнял у меня
Всё, что я в жизни...

(Слабо.)

Д о н Г у а н

Милое создание!
Я всем готов удар мой искупить,
У ног твоих жду только приказанья,
Вели – умру; вели – дышать я буду
Лишь для тебя...

Д о н а А н н а

Так это Дон Гуан...

Д о н Г у а н

Не правда ли, он был описан вам
Злодеем, извергом – о Дона Анна, –
Молва, быть может, не совсем неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так, разврата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас люблю, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

Д о н а А н н а

О, Дон Гуан красноречив – я знаю,
Слыхала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

Д о н Г у а н

Ни одной доньне
Из них я не любил.

Д о н а А н н а

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Д о н Г у а н

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то имя,
Которого не можете вы слышать?
Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Д о н а А н н а

Кто знает вас? – Но как могли прийти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

Д о н Г у а н

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья
Безропотно отдам я жизнь.

Д о н а А н н а

Но как же
Отсюда выйти вам, неосторожный!

Д о н Г у а н
(целуя ей руки)

И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?

Д о н а А н н а

Ах, если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться нам.

Д о н Г у а н

Когда ж опять увидимся?

Д о н а А н н а

Не знаю.
Когда-нибудь.

Д о н Г у а н

А завтра?

Д о н а А н н а

Где же?

Д о н Г у а н

Здесь.

Д о н а А н н а

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Д о н Г у а н

В залог прощенья мирный поцелуй...

Д о н а А н н а

Пора, поди.

Д о н Г у а н

Один, холодный, мирный...

Д о н а А н н а

Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?... о, скройся, Дон Гуан.

Д о н Г у а н

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.

(Уходит и вбегает опять.)

А!..

Д о н а А н н а

Что с тобой? А!..

Входит статуя командора.

Дона Анна падает.
С т а т у я

Я на зов явился.

Д о н Г у а н

О Боже! Дона Анна!

С т а т у я

Брось ее,
Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Д о н Г у а н

Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

С т а т у я

Дай руку.

Д о н Г у а н

Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мне руку...
Я гибну – кончено – о Дона Анна!

Проваливаются.
1830